

## БЕССМЕРТНИКИ СКВОЗЬ СМЕРТЬ ПРОИЗРАСТУТ...

Александр Хабаров – поэт государственного значения, поэт Российской Империи – той, где земная страна срастается с небесной, без шва, без зазора; переливается одна в другой, одна в другую, сверкает слезами и радостями, скорбями падений и обновлениями духа, жестью и золотом (так названа одна из книг Хабарова). Страна эта и вокруг него, и внутри, в сердце поэта, вселенском сердце, вмещающем всё: и великие взлёты, и великие бездны мучительно любимой Родины, той единственной страны в мире, которой «нужен Бог». Он пишет: «мой голос тих в пучине ора» – неправда, этот неповторимый хрипловатый низкий голос, эту исповедальную, редкую по искренности и глубине поэзию расслышит всякий русский человек, в любом хоре пиитов, потому что «я плакал – значит тоже пел»! Потому что – «вот Родина моя – в полночном храме»...

Хабаров всегда наедине с собой – и никогда не один, всегда в гуще людей и одинок. Всё, что происходит с ним, с окружающими, с народом, страной в его видении обретает эсхатологические библейские смыслы. Отсюда столько силы, мощи в его стихах – аж дух захватывает порой! И при этом – точность деталей, образов, стихотворное мастерство – словно острая лопата врежется в промёрзшую землю и нарежет ровные, чёткие пласты-отвалы-образы-строки.

Волк – один из главных, повторяющихся образов в стихах этого поэта:

Ах вы, волки, злые звери,  
Отпустите мужика!  
Я уйду в другие двери,  
Я попал не в те века!  
Что за танцы без любви?  
Что за песня – грудь в огне?  
Что-то, братцы, много крови,  
Что-то, волки, страшно мне!  
Эх, гармошка, много бзика!...  
Волчья шея без креста.  
Пропади-ка ты, музыка,  
Сгинь-рассыпья, сволота!  
Не хочу плясать с волками!  
Святой Боже, помоги!

Настоящий поэт – он и объект и субъект одновременно, изучаемое и изучаемый, узник и его охранник, пуля и рана, жизнь и смерть... Зверь («я русский волк, идущий с севера За теми, кто в мехах овечьих»), и человек, обнажающий горло и грудь перед этим волком – на, рви! – хотя ему и страшно, и больно, и помирать неохота («Конвоиры тащили волоком Но не дался я им волкám: Ускользящим тёмным облаком Разбежался по уголкам»). А читатель неизменно вовлекается в этот переворот, становится участником сакрального антропоморфного процесса, сопереживает и уродняется поэту.

Одна из особенностей поэзии Александра Хабарова, на мой взгляд, – практически полное отсутствие литературных аллюзий, что так сегодня непривычно и необычно для нас. Мы наловчились читать между строк, подсекать намёки и подтексты, угадывать литературный багаж поэта, накопленный из всего лучшего, что уже было написано ранее. Общая толпа поэтов движется по широкой протоптанной дороге, Хабаров же словно зашёл в поэзию из боковой двери – знаете, такие потайные, неприметные для других двери, есть, к примеру, в метро, в магазинах и прочих специальных «точках», о

них знают только посвящённые, а в поэзии каждый поэт должен найти «свой» потайной вход в литературу. Зайдёт из чужой – может, и неплохой поэт будет, но всё-таки не уникал, не персоналит. Несомненно, Хабаров знает и любит классическую (в его стихах живут Есенин и Рубцов) и современную русскую поэзию, он усвоил и облагородил блатной фольклор, и песни Владимира Высоцкого – фон некоторых стихов, и при желании можно докопаться в его текстах других до аллюзий и аналогов, но в его поэзии не это главное, как это часто бывает, когда в поэтическом произведении сделана ставка на культурный кроссвордизм читателя. Хабаров нашёл свою правильную дверь.

Я не профессиональный литературный критик, скорее – профессиональный читатель, мне довольно трудно чётко описать то, что я нахожу в поэзии Хабарова – недостаёт формулировок, привычки к систематическому конструктивному анализу, навыков жонглирования понятиями вроде «инсайт-аут», «метабола», «инвариантный текст-интенция» или «мортальная КПО, репрезентированная в метафоре «Смерть» как рубрикатор ряда других метафор», хотя они тоже применимы к поэзии Хабарова. Мне всегда были более близки те поэты, у которых стихотворение растёт не из мысли или задания соответствовать определённой концепции, а из предчувствия, эмоции; когда после прочтения у читателя сначала возникает неосознанная эмпатия, влечение к тексту (есть очень точная формулировка – эмоциональное заражение), а уж потом идёт раскодирование подтекста, смыслов, смакование эстетического наслаждения и т. п.

Масштабность мышления поэта определяет его подход к космогонии и эсхатологии мира. От тем и образов почти языческих Хабарова постоянно возвращается к мировоззрению воцерковлённого человека («Листаем гороскопы, рвём страницы... Могли бы жить как лилии и птицы, И знали бы, что смерти вовсе нет», «Сторож я был или странник, Воду менял на вино, Или на возгласах ранних Плакал с собой заодно – Нынче у самого края Ангел меня подобрал. Что я шептал, умирая? И для чего умирал?..»); даже там, где нет непосредственного свидетельства церковного присутствия, стихи

возвышают дух лирического героя до того отношения к миру и слову, в основе которого лежит тяжело добытое смирение и торжество Псалтыри:

Воскреснет Бог, и разбегутся мрази,  
Что хаяли в азарте и экстазе  
Земныя и небесныя Творца;  
Помчатся в никуда, не зная броду,  
И расточатся в мрачную свободу  
Безвременья, безбожья и волчца.  
Воскреснет Бог, и расползутся гады,  
Лица Его бегут, им нет награды  
За ненависть, гордыню и корысть.  
Возрадуются вдовы, дети малы;  
Садами зашумят лесоповалы,  
Дежурный херувим запишет: «Бысть...»  
Воскреснет Бог, и распадутся сети,  
Все голуби взлетят, и все на свете  
Бессмертники сквозь смерть произрастут;  
Коль снег занес – зверьё отроет лазы,  
Всех тонущих – удержат водолазы,  
Пожарные – пылающих спасут...

*(«Эхо Псалтыри»)*

«Таких, как я, осталось семеро – в бронежилетах человечьих»... Кто они, эти семеро? Может, одна из них я? Надеюсь на это. Не зря же Саша говорит, что адресовал слова: «Живи поэзия-Наташа, тебя не вычеркнут из книг!» – мне. Буду стремиться, буду тянуться, чтобы иметь право стоять в литературе рядом с таким поэтом, как Александр Хабаров.

*Наталья Лясковская*